

Тематические сообщения

Thematic reports

DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_03_03

Жуйкова Е.Б.

Воспитание приемного ребенка:
от мотивации и ожиданий – к становлению отношений в семье

Zhuikova E.B.

Raising a foster/adopted child:
from motivation and expectations to setting relationships in the family

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Развитие семейного устройства в России предполагает переход от признания значимости семейного воспитания для преодоления последствий депривации и травм у ребенка – к глубинному исследованию психологических особенностей принимающих семей, необходимого для оказания качественной психологической помощи родителям и детям. Статья является анализом, на основе литературы, проблемы влияния мотивации приемных родителей к воспитанию детей и ожиданий от функционирования семьи на детско-родительские отношения. Подтверждается значимость отношений привязанности и преимуществ семейного устройства перед институциональным воспитанием, прослеживается направление развития взглядов на тему депривации в различных психологических подходах. Описываются этапы становления в культуре практики усыновления, связь социального образа детско-родительских отношений и практики принятия ребенка в семью. Проводится анализ связи между социальными процессами вокруг семьи и тем, какие ожидания возникают у родителей относительно приемного родительства. Центральной темой статьи является обсуждение значимости мотивации к принятию ребенка, ожиданий родителей на период адаптации, становления отношений, первых этапов формирования привязанности. Критикуется практика диагностики содержательных аспектов мотивации, выделения функциональных и дисфункциональных мотивов, обосновывается значимость исследования метахарактеристик мотивации, связанных с динамическими параметрами (гибкость, рефлексивность, согласованность с реальностью, внутрисемейная согласованность, стабильность). Анализируются возможности исследования характеристик мотивации и ожиданий с помощью теории личностных конструктов Д. Келли и современных направлений конструктивистских подходов к анализу

семейных отношений. Обсуждается значение детального научного рассмотрения процесса межличностного формирования конструктов, семантических полярностей, процесса позиционирования внутри них для понимания кризисной и гармоничной адаптации приемной семьи к приходу ребенка.

Ключевые слова: приемная семья, приемный ребенок, мотивация приемного родителя, ожидания от приемного ребенка, адаптация приемного ребенка

Для цитирования: Жуйкова, Е.Б. Воспитание приемного ребенка: от мотивации и ожиданий – к становлению отношений в семье // Новые психологические исследования. 2021. № 3. С. 48–78. DOI: 10.51217/np-research_2021_01_03_03

Введение

Развитие семейного устройства в России – это противостояние институциональному воспитанию детей-сирот, преобладавшему на территории бывшего СССР и имевшему связь с идеологией большей значимости для ребенка общественных отношений, чем личных и семейных. «Ребёнок должен жить в семье» – манифест, родившийся из теории привязанности, создавший условия для развития института принимающей семьи, школ приемных родителей и центров поддержки и сопровождения. Несмотря на формирование сообщества принимающих семей, установление профессиональных форм семейного воспитания, расширение круга специалистов, занимающихся поддержкой семей, полностью переломить ситуацию не удастся: по заявлениям чиновников, более 40 000 детей находятся в учреждениях (Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 2020). Одной из причин является недостаточное развитие помощи семьям, имеющим социальные проблемы (находящимся в кризисе и испытывающим сложности с тем, чтобы воспитывать детей). Их поддержка фрагментарна или сопряжена с исключением из социума. Из всех детей, лишенных возможности быть с родителями, 60% – социальные сироты, их родители лишены родительских прав или ограничены в них (Голикова сообщила, что число детей-сирот..., 2021). Перестройка помощи таким семьям требует глобальных социальных изменений и коррекции практики реализации законодательства. Другая причина – несбалансированность помощи семьям, взявшим на воспитание приемного ребенка. Это множество требований и форм контроля приемных родителей со стороны общества, при том, что

большинство детей требуют специализированной и комплексной помощи, страдают от последствий депривации и травматического опыта, испытывают сложности в адаптации в школе, а родители не всегда имеют достаточно ресурсов для совладания с симптоматикой ребенка, которая является последствием институционального размещения и трудных отношений со значимыми взрослыми. В этой ситуации исследования, которые имели бы своей целью повысить эффективность помощи принимающей семье, как на этапе ее подготовки, так и в период сопровождения или кризиса, могут иметь особую значимость для специалистов-психологов, работающих в сфере семейного устройства, также с темой вторичных отказов от детей.

Исследования психологических особенностей детей-сирот теперь с каждым годом все больше дополняются изучением психологических особенностей принимающих родителей и принимающих семей в целом (Brodzinsky, 1993; Kirk, 1964; Спиваковская, 1991; Ослон, 2006). Данная тенденция связана и с развитием системного подхода в психологии семьи, и с полученными из практики знаний о том, что не только особенности ребенка, его опыт, возможная депривация влияют на функциональность детско-родительских отношений, но и особенности родителей, их личностный опыт, характеристики семейной системы, история принимающей семьи имеют большую значимость. Изменения в законодательстве создают новые пространства для контакта принимающих семей и специалистов. Так с 2012 года все семьи, планирующие взять ребенка на воспитание, обязаны проходить обучение в специальных группах, которые часто называют «Школами приемных родителей», для них разработаны стандарты программ. Одним из параметров анализа функционирования потенциальных принимающих семей является характеристика мотивации родителей к принятию ребенка. Однако в наши дни работ, полностью посвященных исследованию мотивации и ожиданий от принятия детей, почти нет, но существует тенденция к поиску дисфункциональных мотиваций. В отсутствие научной обоснованности, в настоящее время принимаются решения (на законодательном и локальном уровне) о критериях отбора принимающих родителей, в том числе на основе анализа мотивации. Таким образом, задачи, предъявляемые обществом к психологической науке, опережают научные разработки.

У самих специалистов, оказывающих помощь принимающим семьям, – множество вопросов: насколько корректно исследовать

мотивацию приемных родителей, можно ли считать ее стабильным феноменом, влияет ли она в действительности на детско-родительские отношения, есть ли смысл говорить о том, что какая-то мотивация «правильная», «функциональная», а какая-то нет (Петрановская, 2017). При этом естественно предполагать, что ожидания от приемного родительства влияют на восприятие ребенка, оценку детско-родительского контакта, идентичность родителя, формирование перспектив развития отношений в семье, включение ребенка в образ будущего. Темы разочарований в приемном родительстве, переоценка своих ресурсов и возможностей, осознание различий между ожидаемой картиной детско-родительских отношений и реальной – центральные на психологических консультациях приемных семей, особенно в период адаптации. Формирование более реалистичных ожиданий от будущего родительского опыта – одна из важнейших задач, которую ставят перед практикой занятий в Школах приемных родителей (Подготовка семей к приему детей-сирот и детей..., 2017).

Для того чтобы изучить, как родители воспринимают ребенка и отношения с ним, нам в ходе исследований пришлось несколько расширить число анализируемых феноменов: нас интересовала не только мотивация к принятию ребенка, но и ожидания от него, от изменений в семье с его приходом, оценка перспективы будущего детско-родительских отношений, соответствие перспективы своим ценностям и предыдущему жизненному пути.

Влияние разлуки с матерью на развитие ребёнка и проблема компенсации депривационных расстройств у детей-сирот

Все дети-сироты в разном возрасте пережили разлуку с матерью, и это оказало влияние на всё их дальнейшее развитие, а также на детско-родительские отношения в принимающей семье. Проблема влияния разлуки с матерью на психическое развитие ребёнка поднималась в самых разных теориях развития.

Впервые идея негативного воздействия на ребёнка ранних нарушений отношений с матерью или замещающим её лицом нашла своё теоретическое обоснование в одной из наиболее авторитетных теорий в современном психоанализе – теории объектных отношений, в рамках которой были интегрированы такие понятия, как привязанность, отказ от влечения к матери, отрыв либидо от объекта как результат усилий по уничтожению старой привязанности. Они впоследствии вошли в концепцию теории привязанности-депривации (Бриш, 2012). Р. Фейербейрн, Д. Винникот, М. Кляйн,

М. Балинт, М. Маллер, О. Кернберг во многом отошли от классических положений психоанализа: центральным для нормального психического развития сторонники теории объектных отношений считают не удовлетворение инстинктов и влечений, а установление удовлетворительных отношений с ближайшим окружением (Бриш, 2012, Ослон, Холомогорова, 2001). Теория объектных отношений подчеркивает особое значение для развития ребенка раннего опыта взаимодействия с объектами; близкие взрослые, стабильные эмоциональные отношения с ними – условие формирования интегрированного и устойчивого образа себя. Ранняя длительная разлука с матерью, согласно исследованиям в рамках теории, оказывает негативное влияние на ребенка, может способствовать развитию личностных расстройств. М. Малер, исследуя динамику привязанности, выделила этапы ее становления, пришла к выводу, что постепенное разделение ребенка и объекта привязанности (процесс индивидуации) формирует способность к близости и независимости, но лишь при условии постоянства объекта на первых этапах развития (Бриш, 2012, Mahler, McDevitt, 1968).

В неопрейдизме межличностные отношения также оцениваются как значимые для психического развития ребенка. Важным моментом для семейного устройства является идея, высказанная представителями подхода, о том, что даже при наличии травматического опыта, его компенсация возможна, если ребенок устанавливает стабильные отношения со взрослым на дальнейших этапах развития. Г. Салливен утверждал, что психические нарушения имеют своими корнями связь с негативным ранним опытом и без эмоционально благоприятных стабильных отношений со взрослым в раннем возрасте нормальное развитие ребенка невозможно (Sullivan, 1953). К. Хорни углубила представления о нарушениях связи между ребенком и взрослым в раннем возрасте, описав понятие «базисной тревоги», а также разнообразные характеристики дисфункциональных отношений в семье, которые сводятся к полярностям – от доминирования, контроля, гиперпротекции до изоляции, равнодушия, эмоционального холода, они по сути являются либо ригидными способами построения взаимодействий с ребенком, либо непоследовательными и хаотичными. Подобные отношения приводят к «внутреннему конфликту» у ребенка, а тот влияет на дальнейшее развитие и межличностные отношения (Бриш, 2012). Еще одним важным понятием для психологии развития и семейного устройства являются сформулированные Э. Эриксонем термины о «базовом доверии – недоверии миру». Автор постулирует, что то, какая

забота о ребенке проявлялась в раннем возрасте, определяет, какими глазами он смотрит на мир в дальнейшем – как на дружелюбный или враждебный. Этот взгляд и определяет взаимодействие с другими в процессе развития. Эриксон считал, что негативный ранний опыт – не приговор, его можно компенсировать стабильными и эмоционально теплыми отношениями в более позднем возрасте (Эриксон, 1996).

Ключевыми в рамках теории привязанности являются работы А. Фрейд, Р. Спитц, Д. Боулби, эти авторы сформулировали ее основные положения. Р. Спитц описал феномен госпитализма, показал, как благоприятные условия, созданные для младенцев, потерявших контакт с матерью, не могут стать условиями развития, если нет объекта для привязанности. В послевоенное время, когда множество детей осталось без родительской заботы, были проведены исследования и эксперименты, показывающие главенствующую роль постоянного взрослого для благополучия ребенка (Бриш, 2012, Ослон, 2006).

Фундаментальными работами по теории привязанности являются труды Дж. Боулби, который исследовал первичную и вторичную привязанность, показал влияние длительной разлуки на симптомы психических заболеваний. Данные о возникающей агрессии у ребенка как результате опыта потери связи с матерью дали понимание сути процессов адаптации в приемной семье. Боулби заложил основы для осознания возможностей компенсирующей заботы, описал пути восстановления отношений привязанности, развития межличностных связей с опорой на новый позитивный опыт (Боулби, 1991, 2003, Бриш, 2012).

Й. Лангмейер и З. Матейчик описали теорию депривации, определили это понятие, изучили ее варианты. Согласно Лангмейер и Матейчик, депривация – это «психическое состояние, возникающее в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых основных психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени». Исследователи выделяют четыре типа психической депривации: (а) депривация стимульная (сенсорная); (б) депривация значений (когнитивная); (в) депривация эмоционального отношения (эмоциональная); (г) депривация идентичности (социальная) – ограниченная возможность для усвоения автономной социальной роли. Депривированные дети, по полученным данным, отличались и неврологическими нарушениями, характерными для детей с органическим поражением головного мозга (Лангмейер, Матейчек, 1984).

Отечественные теории развития опираются на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского. Взрослый выступает для ребёнка в качестве носителя опыта и источника развития, только при постоянном контакте со взрослым возможно возникновение важнейшего механизма развития – интериоризации. Этот контакт способствует формированию привязанности ко взрослому. Выготский рассматривает задержки развития как результат депривации общения и контактов с внешним миром (Выготский, 1991). Мясищев В.С. связывал патогенность тех или иных факторов депривации с субъективным отношением к ней личности, считая, что влияние депривационных условий в значительной степени зависит от мотивационно-потребностной сферы. Холмогорова А.Б., обобщая опыт отечественной традиции, подчёркивает, что развитие происходит в процессе собственной активной деятельности ребёнка в непрерывном диалогическом эмоциональном контакте с другим человеком и осмысления, или рефлексии, этой деятельности и себя в ней (Ослон, 2006).

Таким образом, многолетние исследования проблемы депривации подчеркивают необходимость для развития ребенка присутствия близкого стабильного взрослого. Те дети, для кого невозможно быть рядом с членами биологической семьи, нуждаются в поиске взрослого за ее пределами, формировании альтернативных семейных отношений и новой привязанности.

Психологические особенности принимающих семей

Существуют два основных направления компенсирующей заботы: помещение детей в сиротские учреждения и в семьи. В последние десятилетия усилия специалистов и общества в целом направлены на развитие института семейного устройства. Основываясь на теориях, ставящих во главу угла формирование новой надежной привязанности у детей, переживших потерю контакта с кровной семьёй, специалисты создают условия для того, чтобы всё большее количество детей воспитывалось в семьях (Дорофеева, Левина, 2003). В последние годы приняты законы, призванные поддержать принимающие семьи, появились и новые юридические формы семейного устройства. Традиционный путь принятия ребёнка в семью – усыновление – дополняется опекой (возмездной и безвозмездной), также существуют детские дома семейного типа. Создатели подобных проектов направляют усилия на приближение условий развития ребёнка к семейным (Семейный кодекс Российской Федерации, 2014).

Важно отметить, что потребность общества в развитии семейного устройства стимулирует научное сообщество к исследованию особенностей функционирования принимающих семей, созданию различных форм психологической помощи (от диагностики до подготовки к принятию детей и сопровождения) (Бибчук, Жуйкова, 2009; Махнач и др., 2013).

Последние двадцать лет наблюдается революция в области семейного устройства. В результате развития социального контекста произошло переосмысление процессов усыновления, что привело к пересмотру многих убеждений и ценностей, которые на протяжении десятилетий обуславливали практику усыновления, а также к развитию института профессиональных семей, воспитывающих детей на основании временных договоренностей с государством (Ослон, Холмогорова, 2001; Печникова, Жуйкова, 2005). Традиционное закрытое усыновление стало проигрывать новым формам семейного устройства таким, как открытое усыновление, предполагающее сохранение контактов с кровной семьёй (Miall, 2005), что побудило специалистов направить свои усилия на создание условий для разговора родителей и детей об истории их появления в семье (Жуйкова, 2010; Петрановская, 2008, 2013).

Все эти изменения высветили новые темы, оказывающие влияние на функционирование принимающей семьи: соотношение мест кровной и принимающей семей в жизни ребёнка, адаптация ребёнка к смене семейной системы и родителей – к значительным изменениям в семье, формирование привязанности ее членов друг к другу, совладание с разочарованиями и развитие гибкости установок как у родителей, так и у детей (Бибчук, Жуйкова, 2009). Перечисленные темы так или иначе связаны с мотивацией родителей к принятию ребёнка в семью, так как именно она формирует ожидания в семье от дальнейшего ее функционирования.

Исследования мотивации принимающих родителей в зарубежной литературе

Исследования психологических особенностей принимающих семей, как уже излагалось выше, имеют недолгую историю, анализ мотивации родителей к принятию ребёнка мало представлен в работах как зарубежных, так и отечественных специалистов. Тем не менее, происходит постепенное осознание значимости этого фактора для детско-родительских отношений как формирующего установки по отношению к ребёнку. Особенности мотивации принимающих родителей влияют на функционирование семьи как в

период подготовки к принятию ребёнка, так и в период адаптации и, в дальнейшем, сепарации.

На ранних этапах развития института приемной семьи, когда усыновление было основной ее формой, принятие в семью связывалось с невозможностью иметь кровных детей. Принятие ребенка было реализацией потребности в родительском опыте, а также, нередко, в «нормализации» семейной жизни, преодолении дискриминации из-за невозможности продолжать род. Ранние исследования Дэвида Кёрка, которые стали основой практики работы с усыновителями, показали, что родители, чья мотивация к принятию ребенка диктует им стратегию «отвержения различий» между кровным и приемным родительством, страдают от разочарований и нереализованности ожиданий. Тогда как «признание различий», принятие того, что воспитание приемного ребенка не равно воспитанию кровного, сближает детей и родителей (Kirk, 1964).

В настоящее время зарубежные научные исследования отражают некоторую общую тенденцию к дистанцированию от восприятия детско-родительских отношений в принимающей семье как замены отсутствующих кровных отношений (The Psychology of Adoption, 1990). К концу прошлого века произошло переосмысление сути усыновления. Многие родители стали опираться на духовные и моральные ценности, стремясь помочь детям, пережившим опыт депривации, нуждающимся в близком взрослом. В семье начали принимать подростков, детей с особыми потребностями, других рас, смысл усыновления стал связан с гуманистическими интенциями, а ожидания – с тем, что дети, благодаря семье, преодолеют последствия травм (The Psychology of Adoption, 1990).

Рене Хоксберген (Rene A.C. Hoksbergen) провел значительную работу по анализу тенденций в изменении мотивации к усыновлению. Он выделил три поколения приемных семей как иллюстрацию динамики ожиданий от приемного родительства. Так первое поколение, по мнению автора, стремилось удовлетворить собственные эмоциональные потребности, совладать с горем потери, чувством неполноценности; приемный ребенок выполнял замещающую функцию, ожидалось, что он станет аналогом кровного ребенка, для чего существовала тайна усыновления, отказ от кровной истории ребенка, от его прежней идентичности. Второе поколение принимающих родителей имело альтруистическую мотивацию, которая предполагала несколько романтический взгляд на усыновление. Идеализация возможностей компенсаторной семейной

заботы предполагала, что любой ребенок, оказавшись в семье, сможет развиваться без значительных отличий от сверстников. Возможность помочь детям из других стран с особенностями развития двигала усыновителями, а оптимистический взгляд на будущее приемной семьи помогал родителям быть более открытыми новому опыту воспитания. В этот период сформировались основные ценности, разделяемые приемными родителями и специалистами семейного устройства в современной культуре, одной из важнейших здесь стала необходимость сохранения связи с кровной историей детей. Третье поколение Хоксберген назвал реалистично-материалистичным: приемные родители реже ожидают, что приемный ребенок будет заменой кровным детям, они уже не так оптимистично настроены относительно своих способов помощи детям в преодолении последствий травм и депривации, они более здраво оценивают свои возможности, больше заботятся о себе, признают свои ограничения как родителей. В этой ситуации смыслы усыновления и ожидания от родительства, по мнению автора, будут меняться (Hoksbergen, 2008).

В последние годы исследования мотивации приемных родителей реализовывались не раз, и, как правило, они проводятся в виде анкетирования, где необходимо отвечать на прямые вопросы. Пример такого исследования – работа Карин Малм и Кейт Велти (Malm, Welti, 2010), где игнорируется анализ ожиданий от прихода ребенка, фокус делается на причинах принятия решения об усыновлении (бесплодие, желание помочь ребёнку из альтруистических и религиозных соображений, наличие опыта усыновления в ближайшем окружении родителя и некоторые другие). Однако интересным выводом является отсутствие выраженных отличий между мотивациями родителей, выбирающих усыновление, и тех, кто принимает ребенка в профессиональную приемную семью.

Как мы видим, исследования направлены на поиск обобщенных мотивов, предположительно характерных для всех групп приемных родителей, тогда как и мотивация, и ожидания тесно связаны с личными и семейными историями, актуальным культурным контекстом, социальной ситуацией, которая отличается в каждой конкретной семье.

В попытках обобщить данные о мотивации современных приемных родителей, специалисты в области семейного устройства интервьюируют семьи, и, хотя выделенные мотивы по-прежнему различны, причины принятия решения, их детальное описание дает информацию об ожиданиях и отражает социальные изменения.

Так официальный сайт, посвященный усыновлению в США, приводит следующие утверждения о мотивации приемных родителей. Принятие ребенка – это личное решение для будущих родителей, и невозможно сказать, что есть единая причина для усыновления, потому что каждая семья отличается своеобразием и выбирает усыновление, руководствуясь разными причинами. Понимать смыслы усыновления важно не только самим приемным родителям, но и биологическим матерям, решающим передать ребенка в другую семью и желающим лучше понять людей, которые будут воспитывать их детей. Среди наиболее распространенных причин усыновления в США выделяются следующие:

1. Из-за бесплодия некоторые пары не могут иметь биологического ребенка. Это одна из наиболее распространенных причин, по которой будущие родители выбирают усыновление. Во многих случаях они пытались завести ребенка естественным путем, боролись в течение месяцев и даже лет с бесплодием, в итоге потерпели неудачу и принимают решение заняться усыновлением как возможностью другим способом стать родителями.

2. Некоторые женщины сталкиваются с заболеваниями, которые делают вынашивание беременности небезопасным.

3. Родители не хотят передавать по наследству генетические нарушения или болезни. Такие пары могут быть полностью способны к зачатию и здоровой беременности, но они беспокоятся о том, что их ребенок родится с генетическими заболеваниями. Некоторые родители с расстройствами или болезнями знают, что существует высокая вероятность передачи их своему ребенку, поэтому они предпочитают усыновлять.

4. Родители-одиночки, не состоящие в отношениях, хотят создать семью и решают, что им подойдет усыновление. Они отказываются от искусственного зачатия, но выбирают быть родителями, даже если нет генетической связи с будущим ребенком.

5. Однополая пара хочет стать родителями. Процесс ЭКО позволит только одному родителю быть генетически связанным с ребенком. Одна из веских причин усыновления ребенка заключается в том, что усыновление создает для этих пар возможность стать родителями на равных правах.

6. Родители хотят помочь ребенку обрести дом и любящих близких. Они опираются на идею о том, что есть много детей (внутри и вне страны), не имеющих значимого взрослого, нуждающихся в доме, а усыновление – возможность им помочь.

7. Родители хотят помочь беременным женщинам, рассматривающим возможность усыновления, так как они не могут воспитывать ребенка по социальным причинам (хотя закончить школу или вынуждены работать).

8. Родители поддерживают биологических матерей (в рамках американского проекта поддержки биологических матерей), желающих продолжить обучение, и делают выбор в пользу усыновления внутри страны.

9. Хотят помочь другу или члену семьи, который не в состоянии воспитывать ребенка. Они лично знают беременную женщину, которая не готова воспитывать ребенка и ищет кого-то, кто усыновит ее ребенка, и это становится основой для идеи усыновления. Аналогичная ситуация: родственник или друг может быть не в состоянии заботиться о ребенке и нуждается в ком-то, кто дал бы ему лучшую жизнь.

10. Хотят помочь одному из тысяч детей в США, живущих без постоянных семей. В Соединенных Штатах более 400 000 детей находятся в профессиональных приемных семьях, и некоторые из них ожидают усыновления. Эти дети, как правило, пережили травмирующие события в своей жизни и нуждаются в поддержке семьи, которая могла бы дать им постоянный дом. Люди, кого трогают проблемы таких детей, обычно видят здесь причину для усыновления.

11. Родители хотят дать ребенку, родившемуся в другой стране, шанс на благополучную жизнь. По оценкам, во всем мире насчитывается 15 миллионов детей, которые ждут усыновления. Многие семьи хотят реализовать право ребенка на достойное детство.

12. Родители хотят воспитывать ребенка старшего возраста. Если будущие родители не имеют желания воспитывать ребенка с младенчества, это может стать причиной для усыновления. Возможно, будущие родители больше заинтересованы в воспитании подростка или лучше готовы к этому.

13. Родители хотят выбрать пол своего ребенка. В то время как некоторые агентства по усыновлению не позволяют потенциальным приемным родителям выбирать пол своего будущего ребенка, есть некоторые профессионалы, которые предлагают этот путь. Если бы будущие родители хотели завести ребенка самостоятельно, они не смогли бы выбрать пол, при усыновлении они иногда могут это сделать, даже если это может привести к более длительному времени ожидания.

14. Процесс усыновления имеет больше шансов на успех, чем лечение бесплодия. Когда родители рассматривают свои варианты

создания семьи, они часто взвешивают, в каком случае больше шансов добиться успеха и привести в свою жизнь ребенка, которого они так желали. Они знают, что при усыновлении в конце процесса у них будет ребенок, в то время как лечение бесплодия не дает такой же гарантии.

15. Родитель хочет усыновить пасынка. Он может пожелать оформить юридически отношения, гарантирующие родительские права и права ребенка на наследство, страхование и многое другое. Это также способ объединить смешанную семью, что и является причиной для усыновления.

16. Родители желают помочь сбалансировать рост населения на Земле. Иногда люди не хотят добавлять еще одного человека на планету, которая и так уже перенаселена. Вместо того чтобы стать родителями, они решают усыновить уже родившегося ребенка, внося свой вклад в смягчение демографического кризиса.

17. Родители хотят включить в свою семью представителей различных рас, культур или национальностей. Ни для кого не секрет, что Соединенные Штаты (и весь мир) становятся все более поликультурными; по оценкам, к 2055 году в США не будет единого расового или этнического большинства. Многие люди хотят узнать о разных культурах, а некоторые – даже включить ребенка в свою собственную семью путем межрасового усыновления. Усыновление ребенка другой расы или культуры уже не так редко, как раньше; многие потенциальные приемные семьи считают, что создание поликультурной семьи – прекрасная возможность для всех участников познакомиться с особенностями других культур.

18. Родители чувствуют себя призванными усыновить ребенка по религиозным или иным причинам. Люди выбирают усыновление, потому что чувствуют, что это то, для чего они «предназначены». Это может происходить на основе религиозных убеждений или этических ценностей.

19. Родители решают, что стать родителями важнее, чем забеременеть. Это распространенная идея среди приемных родителей – отказаться от беременности в пользу усыновления. После самоанализа они понимают, что их цель состоит в том, чтобы стать родителями, а не в том, чтобы пережить беременность. Родители знают других в своем окружении, кого усыновили или кто усыновил, и видят в этом позитивный способ создать семью (Why Adopt?..., 2021).

В этих данных также не содержится гипотез о том, каким образом столь разные виды мотивов влияют на ожидания родителей

и функционирование семьи. Однако материалы содержат много важной информации о том, как культура и социум влияют на принятие решений об усыновлении, а также о тенденциях больше контролировать процесс появления детей и семейные структурные изменения.

Исследования мотивации принимающих родителей в отечественной литературе

Российские исследования мотивации принимающих родителей также немногочисленны. Согласно А.С. Спиваковской, можно выделить две большие группы мотивов воспитания. Первая – мотивы, возникновение которых в большей степени связано с жизненным опытом родителей, с воспоминанием о собственном детском опыте, с их личными особенностями. Другая – мотивы воспитания, возникающие в значительной мере как результат супружеских отношений. К первой категории относятся следующие мотивы: воспитание как реализация потребности смысла жизни; воспитание как реализация потребности достижения; воспитание как реализация сверхценных идеалов или определённых качеств. Ко второй категории относятся: воспитание как реализация потребности в эмоциональном контакте; воспитание как реализация определённой системы. Конечно, в реальной жизни все эти мотивы тесно переплетены. Психологический анализ биографического материала показал, что для родителей приёмных детей (как для матерей, так и для отцов) воспитание стало основной деятельностью, чей мотив в реализации потребности смысла жизни. У родителей, взявших детей на воспитание, смысл жизни наполняется заботой о ребёнке, они чувствуют себя счастливыми и радостными только в непосредственном общении с ним, в делах, связанных с заботой о нём. Для таких родителей характерна попытка создавать и удерживать излишне близкую дистанцию с ребёнком. Возрастное и закономерное отдаление ребёнка, повышение субъективной значимости для него других людей бессознательно воспринимается как угроза собственным потребностям. Для таких родителей типична позиция «жить вместо ребёнка», они стремятся слить свою жизнь с жизнью детей. В подобных случаях нередки ситуации задержки формирования многих навыков у детей (одевания, мытья), т.к. родители большую часть этой работы выполняют сами. В результате они получают чувство своей необходимости и препятствуют проявлению самостоятельности (Спиваковская, 1991).

Ослон В. Н. в 2004 году в своем исследовании проанализировала

особенности семей, планирующих воспитание детей в рамках патронатной системы воспитания. Специалист отмечает, что многие из семей выбрали данную форму семейного устройства несмотря на то, что представление о принятии ребенка больше соответствовало представлениям усыновителей. В нашей терминологии «профессиональная позиция», предусмотренная в случае патронатной формы воспитания, была выбрана в противовес внутренним установкам, соответствующим «присваивающей» позиции. По замечанию Ослон, половина семей ожидала, что ребенок останется с ними навсегда и станет «опорой на старости лет», однако материальная и психологосоциальная поддержка, имеющая место в профессиональных формах замещающей заботы, оказалась важным фактором принятия решения в сторону выбора патроната. Исследователь обнаруживает в мотивационной структуре семей следующие мотивы: «отсутствие собственных детей» (связан с представлением в обществе о «нормальной» семье); «поиск смысла жизни»; страх «пустого гнезда» («взросление собственных детей»), переход в статус многодетной семьи (видят в детях гарантию обеспечения старости) (Ослон, 2006).

С целью систематизации вариантов мотивации принимающих родителей в 2004 году было проведено исследование (Печникова, Жуйкова, 2005), в ходе которого выделены некоторые виды мотивации принимающих родителей и описан характер их влияния на функционирование семьи и детско-родительские отношения. В него были включены 3 группы семей: не испытывающие значительных трудностей в воспитании детей, испытывающие трудности в воспитании детей, а также семьи, планирующие отказ от ребёнка. Выявленные варианты мотиваций были разделены на две группы: «связанные с потерями», «связанные с приобретениями». Первая группа объединяла мотивы, имеющие своей целью «избегание» или «совладание» с переживаниями горя и потери (мотивации, связанные со смертью кровного ребёнка, невозможностью иметь детей, построить семью, отношения с партнёром, переживание одиночества в связи с болезнью кровного ребёнка, потерей значимых близких людей и др.). Вторая группа объединила мотивации, вызванные «поиском» и получением нового для семьи опыта или статуса (мотивации, основанные на потребности сделать доброе дело, педагогическая мотивация и др.). Однако не были установлены связи типов мотивации с тем, на каком уровне кризиса находится семья, иными словами, все виды мотиваций присутствовали во всех трёх группах (Печникова, Жуйкова, 2005, 2008).

Однако научные построения в сфере семейных отношений не могут рассматриваться в отрыве от практических задач, кото-рые видятся в более тщательной диагностике потенциальных родителей. Так, исследования нередко имеют своей целью выявить «хорошие» и «плохие» мотивации, стремясь понять, какая мотивация является дисфункциональной, какая соответствует эффективному функционированию семьи. Например, одной из групп (Палиева Н.А., Савченко В.В., Соломатина Г.Н.) было обнаружено, что направленность мотивации принимающих родителей определяет их успешность в будущем, исследователи смогли описать наиболее конструктивный мотивационный комплекс (он присутствует лишь у 25% кандидатов в принимающие родители) (Палиева и др., 2011).

Маркина О. в своей работе изучала типы мотивации и выделила альтруистическую, прагматическую, нормативную, кризисную мотивацию. Для обследования с помощью анкеты были специально отобраны успешные (или, как автор отмечает, «эталонные») родители. Все они демонстрировали либо альтруистическую, либо нормативную мотивацию, либо их сочетание, из чего делался вывод, что именно эти виды мотивации необходимы для успешного функционирования семьи (Маркина, 2016). К сожалению, у автора нет ни контрольной группы, ни проверки влияния других факторов. Но как это, так и предыдущие исследования являются иллюстрациями к тому, каким образом реализуются подходы к данной теме

На официальных государственных сайтах, посвященных усыновлению, говорится, что «специалист должен рассмотреть правильность мотивов решения» стать принимающими родителями. Нами было замечено, что предъявление полученных ранее результатов исследований (типов мотиваций, их влияния на особенности функционирования семьи) (Подготовка семей к приему детей-сирот и детей..., 2014) нередко вызывают у специалистов сферы семейного устройства обвинительную реакцию в адрес принимающих семей. Эти тенденции несколько искаженно отражаются на практической работе с потенциальными принимающими родителями. Так Л. Петрановская отмечает, что представление о наличии правильной мотивации заставляет специалистов сферы семейного устройства принимать решения о том, могут ли родители воспитывать приемного ребенка, на основе «анализа мотивации» (Петрановская, 2017). Однако в этом случае почти все аргументы для принятия ребенка, которые предъявляются родителями, потенциально могут рассматриваться как дисфункциональные (жалость, желание помочь, заполнить

пустоту, наполнить смыслом жизнь), а значит, поставят под вопрос возможность устройства детей в семью, возможность для родителей и детей найти друг друга. Кроме этого, встает ряд этических проблем, заключающихся в необходимости для специалистов выявлять «хорошие» и «плохие» семьи, тогда как этот вопрос (так же, как и вопрос «нормы» и «патологии») является дискуссионным как с научной, так и с практической точки зрения.

Представления о будущих отношениях с приемным ребенком и ожидания от родительства

В связи с тем, что содержательные характеристики мотивации не дают возможности понять, как прежний опыт приемных родителей, их представления о будущем детско-родительских отношений влияют на прохождение адаптации, обратимся к анализу понятия ожиданий – им наиболее часто оперируют в практике помощи приемным семьям.

Ожидания, которых придерживаются люди, являются весомыми психологическими конструкциями, определяющими то, как мы воспринимаем наш мир. В семейном контексте ожидания могут быть как предвестниками, так и факторами, влияющими на последующее поведение членов семьи. По мнению Фоли К. с соавторами (Folli K.J., Lim E., South S.C.), родительские ожидания приемных родителей похожи на ожидания биологических родителей, но они могут и отличаться из-за уникальной динамики процесса усыновления. Для приемных родителей ожидания могут определяться их психическим благополучием или, в свою очередь, обуславливать их психическое состояние (Folli et al., 2017). Исследования связи между ожиданиями от родительства и депрессией ожидаемо показывали зависимость между нереализованностью представлений о будущем и развитием депрессивной симптоматики. Так, в метасинтезе качественных исследований по нескольким дисциплинам Бек С.Т. (Beck С.Т.) обнаружил значительную роль ожиданий в послеродовой депрессии. Мифы о том, как быть идеальной матерью, создавали ожидания, приводящие к чувствам отчаяния, конфликту, связанному с заботой о ребенке, т.е. чувствам, которые противоречили ожиданиям (подавленные, а не счастливые), и трудностям в удовлетворении потребностей ребенка. Четырьмя темами были: 1) противоречивые ожидания; 2) разбитые мечты; 3) страх морального осуждения/навешивания ярлыков; и 4) культурный контекст (высокие ожидания в отношении материнства в стране их происхождения) (Beck, 2002).

Фолли К. с соавторами провели исследование ожиданий приемных

родителей и пришли к выводу о том, что не подтверждаются, прежде всего, ожидания от себя как от родителей (а не от ребенка, например). Приемные родители не чувствуют того, что ожидали, не взаимодействуют с ребенком так, как планировали, что влияет на развитие у них депрессии в период, когда дети уже дома. Интересным фактом является то, что родители, принимающие детей с особенностями развития, реже имеют расхождения между ожидаемым и реальным опытом, реже переживают депрессию. Следует также учитывать обратную динамику: симптомы депрессии могут влиять на то, как создаются и оправдываются или не оправдываются ожидания (Foli et al., 2017).

Ожидания родителей влияют не только на их эмоциональное состояние в будущем, но и на детско-родительские отношения, поведенческие паттерны в семье, по мнению Сантос-Нанс М. с коллегами (Santos-Nunes M., Narciso I., Vieira-Santos S., Roberto M.S.). Так, исследование португальских ученых показало, что ожидания влияют на уровень их удовлетворенности отношениями, родительский стресс и через эти факторы – на поведенческие проблемы детей (Santos-Nunes et al., 2018).

Энтони Р. с соавторами (Anthoni R., Paine A.L., Shelton K.H.) отмечают, что родители, чьи ожидания отличаются от реальности, сообщают о более низком чувстве компетентности, испытывают повышенный уровень стресса, связанного с воспитанием, и эмоционального возбуждения в сложных родительских ситуациях; они могут быть менее способны применять знания о воспитании в действии и проявлять меньшую настойчивость в решении родительских задач. По мере того как родители приобретают опыт воспитания детей, их самоэффективность и чувство удовлетворенности обычно повышаются, но сохранение трудного поведения может повлиять на оценку родителями своих собственных способностей, формируя вторичные трудности (Anthoni et al., 2019).

Выводы этих авторов вписываются в практику подготовки приемных родителей, которая, во многом, и направлена на то, чтобы сделать ожидания семьи более реальными, хотя попытки рассказать о всех возможных перспективах адаптации нередко вызывают у участников групп ассоциации с запугиванием. Также нелегко сделать программу подготовки родителей полностью универсальной: ведь представления о будущих отношениях с детьми связаны с жизненным опытом людей, социальным контекстом, жизненными ценностями. Ожидания от родительства не всегда осознаются и рефлексированы,

самым ярким примером являются механизмы, описанные в трансгенерационной психотерапии, исследующей влияние семейной истории («вина выжившего», «восстановление справедливости», «невидимая лояльность» и др.) (Шутценбергер, 2005).

Тема реалистичности ожиданий, несмотря на свою кажущуюся простоту, наталкивает на важную идею: ожидания не могут быть плохими или хорошими, они могут быть нереализуемыми в контексте отношений. Например, проблема не то, что семья может надеяться ребенка ожиданиями «заменить кровного ребенка» (это не «дисфункциональная» мотивация), но проблема в том, что «заменить» может не получиться, это могут быть не аналогичные отношения, а отношения с другими, в отличие от ожидаемых, качественными характеристиками. И тогда то, как семья сможет найти иной смысл в отношениях, будет определять их перспективы, вне зависимости от самого содержания первичных ожиданий.

Как мы можем заметить, исследования ожиданий приемных родителей от детей и функционирования семьи, с одной стороны, подтверждают значимость их анализа, с другой стороны, они не вскрывают сущность того, что их характеризует, кроме реалистичности/нереалистичности. При этом более глубокий анализ ожиданий родителей, их мотивации, смысла принятия ребенка могли бы помочь создать более эффективный маршрут подготовки и, если необходимо, психологической помощи семьям до того, как ребенок окажется в семье и/или в период адаптации.

Возможной основой для исследования ожиданий, с точки зрения их динамики, может быть теория личностных конструктов Келли. Джордж Келли в рамках своего подхода постулировал, что мы описываем все, что воспринимаем, с помощью системы конструктов, а конструкт — это «отношение, в котором какие-то вещи истолковываются как сходные и, кроме того, отличающиеся от других», это наше внутреннее определение, помогающее оценивать те или иные явления или ситуации. Конструкты, в отличие от понятий (те универсальны), — индивидуальны, это различия и сходства, которые человек считает важными для оценки себя, других людей и ситуаций. Они позволяют предвосхищать последствия событий, а созданное представление служит базой для принятия решений и действий (Келли, 2000).

Келли отмечает, что «люди — тоже события», как и особенности их поведения, отношения между ними. Исходя из своих конструктов, человек ожидает того или иного поведения от других, если же

оно расходится с ожиданиями, через какой-то период «проверку» имеющиеся конструкты могут быть признаны несостоятельными. Поскольку другие люди тоже действуют, руководствуясь собственной системой конструктов, взаимодействие между людьми определяется групповыми ожиданиями. Если ожидания схожи, взаимоотношения более предсказуемы, не входят в противоречие между собой. Келли также описывает, каким образом групповые ожидания влияют на нашу систему конструктов в описании даже самих себя, приводит в пример детско-родительские отношения, где, даже если ребенок ведет себя негативно по отношению к ожиданиям родителей, он начинает описывать себя, опираясь на те же измерения, которые используют близкие. Групповые ожидания действуют как критерии подтверждения правильности личных конструктов, формируя восприятие себя, а затем роли, реализуемой человеком (Келли, 2000).

Если опираться на теорию личностных конструктов при анализе функционирования приемной семьи в период адаптации, можно предположить, что происходит «проверка» своих представлений о себе (как о родителях), о ребенке, о детско-родительских отношениях, о функционировании семьи, даже о взаимодействии с социумом. Несомненно, это касается всех участников процесса и ребенка тоже, с его сформированной в особой реальности депривации и травмы системе конструктов, касающихся себя, семьи и родителей. Возможно, процесс адаптации, принятия друг друга, а он является необходимым условием формирования привязанности, в терминах теории Келли, заключается в формировании групповых конструктов в семье, не противоречащих системе личных конструктов каждого участника. Тогда прохождение адаптации связано не с самим содержанием родительских и детских ожиданий, а с их согласованностью, возможностью меняться, не нарушая ценностных основ и равновесия семьи. Подобные идеи высказывались и раньше: так, Р. Динер, исследовавший связь мотивации и характеристик приемной семьи, воспитывающей ребенка с особенностями развития, отмечал, что одна ключевая семейная черта, по-видимому, важна для успеха - способность семьи к гибкости (Deiner, 1988).

Г. Проктер и Д. Винтер отмечают, что в теории личности Келли говорится о том, что некоторые конструкты могут не очень хорошо рефлексироваться, а также иногда люди могут избегать их проверки, применяя избегающие стратегии поведения (Procter, Winter, 2020).

В. Угазио (V. Ugazio), синтезируя теорию личностных конструктов с семейной терапией, развивает теорию семантических полярностей

в семье. Согласно ее идеям, семья конструирует описания действительности, используя полярные определения. Разговор в семье, как и в любой группе с историей, организуется между противоположными полярностями смысла такими, как справедливое/несправедливое, хорошее/плохое, закрытое/открытое, привлекательное/отталкивающее. Каждый член семьи строит разговор в рамках определенных специфических семантических полярностей, превалирующих в дискурсивных практиках данной семьи. Эти полярности образуют своего рода общий сюжет, который порождает конкретные повествования и сюжетные линии. Иначе говоря, семья есть семья, поскольку те, кто принадлежит к ней, имеют общую базу, сформированную определенным количеством семантических полярностей и повествованиями, питающими эти полярности. Все члены семьи позиционируют себя в рамках множества полярностей. Партнеры по отношениям, позиционируя себя вместе с другими в сюжете семантических полярностей, привязывают свою собственную идентичность к идентичности других членов этих групп. Автор считает, что когда в семье появляется новый человек или мы строим новые отношения, происходит некая «семантическая» игра, где люди пытаются осуществить совместное позиционирование, сформировать эту общность. Мы предпочитаем «совместно позиционировать» себя с людьми и в интерактивных ситуациях, которые не ставят под сомнение нашу идентичность. «Совместное позиционирование» себя в семантических измерениях, неизвестных нам, предполагает значительное изменение нашей позиции и, следовательно, нашей идентичности (Ugazio, 2013).

Опыт приемных родителей и детей в процессе адаптации переключается с изложенными идеями: многие из них отмечают, что описания происходящего в семье, эмоции, характеристики людей, поступков, событий могут значительно отличаться в связи с различным социальным опытом. Для формирования совместности требуется иногда длительный период сверки и согласования, он диктует либо «совпадение» с новым членом семьи, либо гибкость даже в вопросах собственной идентичности. В детско-родительских отношениях в приемной семье негласно считается, что идентичность должна изменяться именно у ребенка, так как он «приходит» в семью и его опыт до приемной семьи оценивается часто как негативный, поэтому именно он должен встраиваться в восприятие мира, имеющееся у родителей.

Однако возможности гибкости идентичности ребенка ограничены, его отказ от своих описаний реальности нередко связан с отказом

от собственной кровной истории, изменение взгляда на себя и мир требует длительных стабильных отношений в семье.

Возможно, понимание того, как осознанность ожиданий влияет на приемных родителей и дальнейшие пути адаптации, каким образом происходит формирование семейных ожиданий через совместное конструирование, будет важной точкой отсчета для исследований, потенциально значимых для практических задач помощи семье в процессе принятия ребенка в семью.

Заключение

Исследования подтверждают, что для принятия решения о вторичном отказе от ребёнка важны три фактора: недостаток устойчивости родительской позиции, наличие значительных поведенческих проблем, отсутствие переживания общности родителя и ребёнка («мы подходим друг другу», «ребёнок достоин нашей любви») (Гудман, Скотт, 2008). Из трёх – две причины касаются детско-родительских отношений, совладание с их действиями влечёт к уменьшению риска вторичных отказов, снижению числа жалоб, повышению активности семьи в совладании с психическими состояниями ребёнка. В связи с этим исследование родительской позиции, ожиданий и установок имеет большое значение, однако именно мотивация влияет на все эти факторы.

С нашей точки зрения, анализ мотивации принимающих родителей требует определения объекта исследования. В психологии термином «мотив» обозначаются совершенно разные явления такие, как инстинктивные импульсы, биологические влечения, интересы, желания, жизненные цели и идеалы. Классики психологии, расставляя акценты по-разному, обозначают связь мотива с действием: А.Н. Леонтьев трактует мотив как «побуждение к действию», Ж. Годфруа – как «соображение, по которому объект должен действовать», Х. Хекхаузен – «желаемое целевое состояние в рамках отношений «индивид–среда» (Психология мотивации и эмоций, 2009). Мотив к принятию ребёнка также предопределяет действия семьи по осуществлению этого намерения. Большинство семей, которым на пути к принятию детей приходится подвергаться воздействию большого количества требований общества, открывать границы семьи для ее оценки, как правило, черпают энергию в своих представлениях о будущем семьи с появлением ребёнка. Эти ожидания, пока у семьи нет опыта воспитания приёмного ребёнка, связаны с потребностями, а они, с точки зрения семьи, могут

быть удовлетворены с его появлением. По мнению А.Н. Леонтьева, актуальные потребности обычно не осознаются людьми, в отличие от целей (Психология мотивации и эмоций, 2009). Неосознанность личностных потребностей и потребностей семьи принимающими родителями затрудняет рефлексию причин трудностей, возникающих на этапе адаптации семьи в первые месяцы прихода ребёнка.

Г. Мюррей, в частности, отмечает, что потребности могут иметь «позитивный» и «негативный» характер, причем позитивные потребности связаны с «поиском», негативные – с «избеганием». Кроме этого, как считает автор, в определенных ситуациях отдельные потребности могут объединяться в мотивации поведения: конфликтовать друг с другом, подчиняться одна другой. Подходы к пониманию мотивации тщательно рассматривались в отечественной клинической психологии, был проведен ряд исследований, посвященных данной теме (Соколова, 1976).

При опоре на представления о мотивации в отечественной психологии, мотивация к принятию ребёнка понимается как комплекс ожиданий, смыслов, значений для семьи появления приёмных детей (Печникова, Жуйкова, 2013а,б).

Их содержание и наполнение может различаться, что определяется семейным опытом и социальным контекстом. Нет убедительных данных о том, что тот или иной мотив или конкретные ожидания могут гарантировать успешность семьи. Однако исследования дают основания предполагать, что на дальнейшее функционирование семьи влияет то, насколько ее члены могут осознавать свои ожидания, сопоставлять их с реальностью, могли ли они изменить предпочитаемую картину будущего, быть устойчивыми в своих намерениях, несмотря на трудности, удастся ли им согласовать ожидания всех членов семьи и других участников социальных договоренностей. Подобные характеристики мотивации и ожиданий нуждаются в качественных исследованиях, предваряющих проверки гипотез количественными методами. Теория личностных конструктов и современные варианты ее развития для анализа семейных отношений предлагают возможности заглянуть вглубь представлений о потенциальных отношениях с приемным ребенком.

В завершение хотелось бы особо подчеркнуть, что полученные в исследованиях данные о характере семейной мотивации к принятию ребёнка и ожиданий от отношений могут быть полезны, прежде всего, для формулировки целей, задач, мишеней психологической помощи принимающим семьям как в рамках подготовки в школах приёмных

родителей, так и при сопровождении и консультировании. Именно фокусировка специалистов на возможностях развития семьи, ее функциональности, готовности к изменениям является основой для развития семейного устройства: увеличения числа детей, воспитывающихся в семьях, снижения рисков вторичных отказов.

Литература

Бебчук, М.А., Жуйкова, Е.Б. Системный подход к психологии семьи. М.: Мир Семьи, 2009.

Боулби, Дж. [Bowlby J.] Детям – любовь и заботу // Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия. М.: Просвещение, 1991. С. 144–154.

Боулби, Дж. [Bowlby J.] Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Бриш, К.Х. [Brisch K.H.] Терапия нарушений привязанности: От теории к практике. М.: Когито-Центр, 2012.

Выготский, А.С. Проблема культурного развития ребёнка // Вестник Московского ун-в. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 5–19.

Голикова сообщила, что число детей-сирот в России в 2020 году сократилось на 6,6% // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/10773269> (дата обращения: 24.02.2021)

Гудман, Р., Скотт, С. [Goodman R., Scott S.] Детская психиатрия. М.: Триада-Х, 2008.

Дорофеева, Т.В., Левина, М.Ю. Клинико-психологические аспекты семей, имеющих приёмных детей // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2003. № 1. С. 78–82.

Жуйкова, Е.Б. Новая семья. Рисуем, чтобы понять. М.: Кидсейф Интернейшнл, 2010.

Келли, Дж. [Kelly G.A.] Теория Личности. Психология личностных конструкторов. СПб.: Речь, 2000.

Лангмейер, И., Матейчек, З. [Laumeier J., Matějček Z.] Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.

Маркина, О.А. Мотивация личности родителя приемного ребенка // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2. Ч. 2. С. 106–111.

Махнач, А.В., Прихожан, А.М., Толстых, Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители. М.: Институт психологии РАН, 2013.

Минухин, С., Фишман, Ч. [Minuchin S., Fishman Ch.] Техники семейной терапии. М.: Класс, 1998.

Николс, М., Шварц, Р. [Nichols M. P., Schwartz R.C.] Семейная терапия. Концепции и методы. М.: Эксмо, 2004.

Ослон, В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: Профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.

Ослон, В.Н., Холмогорова, А.Б. Замещающая профессиональная семья как система // Семейная психология и психотерапия. 2001. № 1. С. 5–12.

Палиева, Н.А., Савченко, В.В., Соломатина, Г.Н. Мотивация принятия приемного ребенка в замещающую семью // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С. 132–137.

Печникова, Л.С., Жуйкова, Е.Б. Особенности детско-родительских отношений в приемных семьях // Серия Психология. 2005. № 4. С. 32–46.

Печникова, Л.С., Жуйкова, Е.Б. Приемные семьи в пространстве детско-родительских отношений // Психологические исследования. 2008. № 2(2). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/108-pechnikova2.html> (дата обращения: 10.02.2021).

Печникова, Л.С., Жуйкова, Е.Б. Особенности психологического консультирования принимающих семей в рамках психокоррекционной работы в детской психиатрической клинике // Материалы V Международного конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья» / Под ред. А.А. Северного, Ю.С. Шевченко. М.: ООО ONEBOOK.RU, 2013а. С. 369–370.

Печникова, Л.С., Жуйкова, Е.Б. Проблема внутрисемейной мотивации к воспитанию приемного ребенка в семье // Ананьевские чтения – 2013. Психология в здравоохранении: Материалы научной конференции / Отв. ред. О.Ю. Щелкова. СПб.: Скифия принт, 2013б. С. 237–238.

Петрановская, Л. Дети двух семей. М.: Класс, 2013.

Петрановская, Л. К вам в класс пришёл приёмных ребёнок. Книга для учителя. М.: Адреса милосердия, 2008.

Петрановская, Л. Введение тестов для приемных родителей — обсудим смутную идею // Правмир, 2017. URL: <https://www.pravmir.ru/lyudmila-petranovskaya-vvedenie-testov-dlya-priemnyih-roditeley-obsudim-smutnuyu-ideyu/> (дата обращения 10.02.2021)

Подготовка семей к приему детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей на воспитание в семье. URL: <http://www.usynovite.ru/db/prerepare> (дата обращения 11.02.2019).

Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Министерство просвещения РФ. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans (дата обращения: 10.02.2021)

Психология мотивации и эмоций: Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гишпенрейтер, М.В. Фаликман. М.: АСТ, 2009.

Семейный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2014.

Соколова, Е.Т. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М.: МГУ, 1976.

Спиваковская, А.С. Психологическая помощь семьям, взявшим на воспитание детей из государственных учреждений // Лишенные родительского попечительства: Хрестоматия. М.: Просвещение, 1991. С. 127–132.

Уорден, М. [Worden M.] Основы семейной психотерапии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.

Черников, А. Системная семейная терапия. Интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2001.

Шлиппе, А., Швайтцер, Й. [Schlippe A., Schweitzer J.] Учебник по системной семейной терапии. М.: Институт консультирования и системных решений, 2007.

Шутценбергер, А. [Schutzenberger A.] Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Издательство Института психотерапии, 2005.

Эриксон, Э. [Erikson E.] Теория личности // Психология личности. Хрестоматия. Самара: Бахрах, 1996. Т.1. С. 305–315.

Anthoni, R., Paine, A.L., Shelton, K.H. Depression and Anxiety Symptoms of British Adoptive Parents: A Prospective Four-Wave Longitudinal Study // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. No. 4. P. 51–53.

Beck, C.T. Postpartum depression: A metasynthesis // Qualitative Health Research. 2002. Vol. 12. P. 453–472.

Brodzinsky, D. Long-term Outcomes in Adoption // The Future of Children Adoption. 1993. Vol. 3. No. 1. P. 153–166.

Deiner, P.L.; Wilson, N.J., Unger, D.G. Motivation and Characteristics of Families, Who adopt children with special needs: an Empirical Study // Topics in Early Childhood Education. 1988. Vol. 8. No. 2. P. 15–29.

Foli, K.J., Lim, E., South, S.C. Longitudinal analyses of adoptive parents' expectations and depressive symptoms // Research in Nursing and Health. 2017. Vol. 40. No. 6. P. 564–574.

Hoksbergen, R.A.C. Changes in Motivation for Adoption, Value Orientations and Behavior in Three Generations of Adoptive Parents // Adoption Quarterly. 2008. Vol. 2. No. 2. P. 37–55.

Kirk, D. Shared Fate: A Theory of Adoption and Mental Health. New York: The Free Press of Glencoe, 1964.

Lansford, J.E., Ceballo, R., Abbey, A., Steward, A.J. Does Family Structure

Matter? A Comparison of Adoptive, Two-Parent Biological, Single-Mother, Stepfather, and Stepmother Households // *Journal of Marriage and Family*. 2001. No. 63. P. 840–851.

Mahler, M.S., McDevitt, J.B. Observations on adaptation and defense // *The Psychoanalytic Quarterly*. 1968. Vol. 37. P. 1–21.

Malm, K., Welti, K. Exploring Motivations to Adopt // *Adoption Quarterly*. 2010. Vol. 13. No. 3–4. P. 185–208.

Miall, C.E., March, K. Open Adoption as a Family Form. Community Assessments and Social Support // *Journal of Family Issues*. 2005. Vol. 26. No. 3. P. 380–410.

Procter, H., Winter, D.A. *Personal and relational construct psychotherapy*. London: Palgrave Macmillan, 2020.

Santos-Nunes, M., Narciso, I., Vieira-Santos, S., Roberto, M.S. Adoptive parents' evaluation of expectations and children's behavior problems: The mediational role of parenting stress and parental satisfaction // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 88. P. 11–17.

Sullivan, H.S. *The interpersonal theory of psychiatry*. New York: Norton, 1953.

Ugazio, V. *Permitted and forbidden stories: semantic polarities and psychopathologies in the family*. New York: Taylor & Francis, 2013.

The Psychology of Adoption / D. Brodzinsky, M. Schechter (Eds.). Oxford: Oxford University press, 1990.

Why Adopt? 23 Reasons to Adopt a Child // American adoptions. URL: <https://www.americanadoptions.com/adopt/why-people-adopt/> (дата обращения: 17.02.2021)

Сведения об авторе

Екатерина Б. Жуйкова, клинический психолог, преподаватель, Институт психологии им. А.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; e.b.zhuikova@gmail.com

Zhuikova E.B.

Raising a foster/adopted child:

from motivation and expectations to setting relationships in the family

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The development of the family care system in Russia involves a transition from recognizing the importance of family placement of orphans overcoming deprivation and trauma to an in-depth study of the psychological characteris-

tics of foster/adoptive families necessary for providing high-quality psychological assistance to parents and children. The article is an analysis based on the literature the problem of the influence of the motivation of foster/adoptive parents, expectations from the functioning of the family on child-parent relations. The importance of attachment relationships and the advantages of family placement over institutional education is confirmed, the way of development of views on the topic of deprivation in various psychological approaches is analyzed. The article analyzes the stages of formation of the adoption practice in the culture, the connection of the social image of child-parent relations and the practice of adopting a child into a family, a foster family as a cultural phenomenon. The analysis of the relationship between the social processes around the family and the expectations that parents form around foster parenting is carried out. The central topic of the article is the discussion of the importance of motivation to adopt a child, parents' expectations for the period of adaptation, the formation of relationships, the first stages of attachment formation. The article criticizes the practice of diagnosing the content aspects of motivation, identifying functional and dysfunctional motives, justifies the importance of studying the metacharacteristics of motivation associated with dynamic parameters (flexibility, reflexivity, consistency with reality, intra-family consistency, stability). The possibilities of studying the characteristics of motivation and expectations with the help of J. Kelly's theory of personal constructs and modern trends of constructivist approaches to the analysis of family relations are analyzed. The importance of analyzing the process of interpersonal formation of constructs, semantic polarities, the process of positioning within them for understanding the crisis and harmonious adaptation of the foster family to the appearance of a child is discussed.

Key words: foster family, adoptive family, foster child, adopted child, motivation of the foster/adoptive parent, expectations from the foster/adopted child, adaptation of the foster/adopted child

For citation: Zhubikova, E.B. (2021). Raising a foster/adopted child: from motivation and expectations to setting relationships in the family. *New Psychological Research*, No. 3. 48–78. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_03_03

References

- Anthoni, R., Paine, A.L., Shelton, K.H. (2019). Depression and Anxiety Symptoms of British Adoptive Parents: A Prospective Four-Wave Longitudinal Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(4), 51–53.
- Bebchuk, M.A., Zhubikova, E.B. (2009). *A systems approach to family psychology*. Moscow: Mir Sem'.
- Beck, C.T. (2002). Postpartum depression: A metasyntesis. *Qualitative Health Research*, 12, 453–472.

Bowlby, J. (1991). Child care and the growth of love. In *Deprived of parental care: Chrestomathy* (pp. 144–154). Moscow: Prosveshchenie.

Bowlby, J. (2003). *Attachment*. Moscow: Gardariki.

Brisch, K.H. (2012). *Bindungsstörungen: Von der Bindungstheorie zur Therapie*. Moscow: Kogito-Tsentr.

Brodzinsky, D. (1993). Long-term Outcomes in Adoption. *The Future of Children Adoption*, 3(1), 153–166.

Brodzinsky, D., Schechter, M. (Eds.). (1990). *The Psychology of Adoption*. Oxford: Oxford University press.

Chernikov, A. (2001). *Systemic family therapy. An integrative diagnostic mode*. Moscow: Klass.

Deiner, P.L.; Wilson, N.J., Unger, D.G. (1988). Motivation and Characteristics of Families, Who adopt children with special needs: an Empirical Study. *Topics in Early Childhood Education*, 8(2), 15–29.

Dorofeeva, T.V., Levina, M.Yu. (2003). Clinical and psychological aspects of families with foster children. *Voprosy psichicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov*, 1, 78–82.

Erikson, E. (1996). Personality theory. In *Personality psychology: Chrestomathy* (Vol. 1, pp. 305–315). Samara: Bakhrakh.

Family Code of the Russian Federation (2014). Moscow: Eksmo.

Foli, K.J., Lim, E., South, S.C. (2017). Longitudinal analyses of adoptive parents' expectations and depressive symptoms. *Research in Nursing and Health*, 40(6), 564–574.

Gippenreiter, Yu.B., Falikman, M.V. (Eds.). (2009). *Psychology of motivation and emotions: Chrestomathy*. Moscow: AST.

Golikova reported that the number of orphans in Russia in 2020 decreased by 6.6%. TASS. (2021, February 24). Retrieved from <https://tass.ru/obschestvo/10773269>

Goodman, R., Scott, S. (2008). *Child psychiatry*. Moscow: Triada-Kh.

Hoksbergen, R.A.C. (2008). Changes in Motivation for Adoption, Value Orientations and Behavior in Three Generations of Adoptive Parents. *Adoption Quarterly*, 2(2), 37–55.

Kelly, G.A. (2000). *A theory of personality. The psychology of personal constructs*. St. Petersburg: Rech'.

Lansford, J.E., Ceballo, R., Abbey, A., Steward, A.J. (2001). Does Family Structure Matter? A Comparison of Adoptive, Two-Parent Biological, Single-Mother, Stepfather, and Stepmother Households. *Journal of Marriage and Family*, 63, 840–851.

Laumeier, J., Matějček, Z. (1984). *Mental deprivation in childhood*. Praga: Avit-senum.

Mahler, M.S., McDevitt, J.B. (1968). Observations on adaptation and defense. *The Psychoanalytic Quarterly*, 37, 1–21.

Makhnach, A.V., Prikhozhan, A.M., Tolstykh, N.N. (2013). *Psychological diagnostics of candidates for foster parents*. Moscow: Institut psikhologii RAN.

Malm, K., Welti, K. (2010). Exploring Motivations to Adopt. *Adoption Quarterly*, 13(3–4), 185–208.

Markina, O.A. (2016). Motivation of the personality of the parent of the adopted child. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 8(2–2), 106–111.

Miall, C.E., March, K. (2005). Open Adoption as a Family Form. Community Assessments and Social Support. *Journal of Family Issues*, 26(3), 380–410.

Minuchin, S., Fishman, C. (1998). *Family therapy techniques*. Moscow: Klass.

Nichols, M. P., Schwartz, R.C. (2004). *Family therapy. concepts and methods*. Moscow: Eksmo.

Oslon, V.N. (2006). *Livelihoods of orphans: Professional substitute family*. Moscow: Genезis.

Oslon, V.N., Kholmogorova, A.B. (2001). Substituting professional family as a system. *Semeinaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 1, 5–12.

Palieva, N.A., Savchenko, V.V., Solomatina, G.N. (2011). Motivation for adopting a foster child into a substitute family. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiie (Terra Humana)*, 1, 132–137.

Pechnikova, L.S., Zhuikova, E.B. (2005). Features of parent-child relationships in foster families. *Seriya Psikhologiya*, 4, 32–46.

Pechnikova, L.S., Zhuikova, E.B. (2008). Reception families in space of child-parental relations. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2(2). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/108-pechnikova2.html>

Pechnikova, L.S., Zhuikova, E.B. (2013a). Features of psychological counseling for foster families in the framework of psychocorrectional work in a children's psychiatric clinic. In A.A. Severnogo, Yu.S. Shevchenko (Eds.), *Proceedings of the V International Congress "Young generation of the XXI century: actual problems of social and psychological health"* (pp. 369–370). Moscow: OOO ONEBOOK.RU.

Pechnikova, L.S., Zhuikova, E.B. (2013b). The problem of intrafamily motivation for raising a foster child in the family. In O.Yu. Shchelkova (Ed.), *Proceedings of the scientific conference "Ananevskie readings – 2013. Psychology in health care"* (pp. 237–238). St. Petersburg: Skifiya-print.

Petranovskaya, L. (2008). *A foster child has come to your class. Book for teacher*. Moscow: Adresa miloserdiya.

Petranovskaya, L. (2013). *Child of two families*. Moscow: Klass.

Petranovskaya, L. (2017). Introducing tests for foster parents – discussing a vague idea. *Pravmir*. Retrieved from <https://www.ppravmir.ru/lyudmila-petranovskaya-vvedenie-testov-dlya-priemnyih-roditeley-obsudim-smutnyu-ideyu/>

Preparing families to receive orphans and children left without parental care for upbringing in families (2019). Retrieved from <http://www.usynovite.ru/db/prepare>

Procter, H., Winter, D.A. (2020). *Personal and relational construct psychotherapy*. London: Palgrave Macmillan.

Santos-Nunes, M., Narciso, I., Vieira-Santos, S., Roberto, M.S. (2018). Adoptive parents' evaluation of expectations and children's behavior problems: The mediational role of parenting stress and parental satisfaction. *Children and Youth Services Review*, 88, 11–17.

Schlippe, A. V., Schweitzer, J. (2007). *Lehrbuch der systemischen therapie und beratung*. Moscow: Institut konsul'tirovaniya i sistemnykh reshenii.

Schutzenberger, A. (2005). *Ancestral Syndrome: Transgenerational Links, Family Secrets, Anniversary Syndrome, Trauma Transmission, and Practical Use of the Genosociogram*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii.

Sokolova, E.T. (1976). *Motivation and perception in health and disease*. Moscow: MGU.

Spivakovskaya, A.S. (1991). Psychological assistance to families who have adopted children from state institutions. In *Deprived of parental care: Chrestomathy* (pp. 127–132). Moscow: Prosveshchenie.

Sullivan, H.S. (1953). *The interpersonal theory of psychiatry*. New York: Norton.

Support for orphans and children left without parental care. Ministry of Education of the Russian Federation (2021). Retrieved from https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans

Ugazio, V. (2013). *Permitted and forbidden stories: semantic polarities and psychopathologies in the family*. New York: Taylor & Francis.

Vygotsky, L.S. (1991). The problem of the cultural development of the child. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 4, 5–19.

Why Adopt? 23 Reasons to Adopt a Child. American adoptions (2021). Retrieved from <https://www.americanadoptions.com/adopt/why-people-adopt/>

Worden, M. (2005). *Family Therapy Basics*. St. Petersburg: Praim-EV-ROZNAK.

Zhuikova, E.B. (2010). *New family. Draw to understand*. Moscow: Kidseif Interneishinl.

Information about the author

Ekaterina B. Zhuykova, clinical psychologist, lecturer, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miussskaya square, Moscow, Russia, 125047; e.b.zhuykova@gmail.com